

Когда-то все ручьи, луга, леса
Великим дивом представлялись мне;
Вода, земля и небеса
Сияли, как в прекрасном сне,
И всюду мне являлись чудеса.
Теперь не то — куда ни погляжу,
Ни в ясный полдень, ни в полночной мгле,
Ни на воде, ни на земле
Чудес, что видел встарь, не нахожу*.

Уильям Вордсворт

* Перевод Григория Кружкова.

Каждый день осенних каникул с двенадцати до часу дня я сижу в шкафу.

В самом обычном, сделанном из фанеры, втиснутом между изголовьем моей кровати и стеной. Знаю, шкаф не самое удивительное в мире место, особенно для тех, кто привык играть в прятки. Но я в прятки и не играю. Я прячусь по-настоящему.

Я могла бы пойти на улицу, но там идет дождь, холодно и мерзко. А в шкафу совсем не так уж плохо: тепло и относительно безопасно.

Каждый день в двенадцать дня домой приходит отец. Он всегда обедает дома. Это занимает ровно час, а это значит, что ровно час я должна просидеть в шкафу очень тихо, так, чтобы у него и мысли не возникло, что я дома. Мама придет через полтора часа, и вот тогда я выберусь из своего укрытия, сяду за стол рисовать, и никто ничего не узнает.

Я не люблю оставаться с отцом наедине. А прятаться в шкафу гораздо интереснее, чем, например, под кроватью. В шкафу много всего, а не только пыльный пол, а главное — там темно, и, значит, нужно чем-то эту темноту заполнять.

Сегодня он пришел на пять минут раньше. Хорошо, что я его опередила. Это не так уж сложно: его шаги я научилась слышать еще с первого

этажа. Они тяжелые и медленные, будто ступает великан. У нашей двери на втором этаже они ненадолго замирают, становится тихо, будто только что поднимающийся по ступеням человек просто взял и испарился прямо перед дверью. Но я знаю, это уловка. Он выжидает, прислушивается, принохливается.

Спустя пару минут ключ поворачивается в замке, а я глубже забиваюсь в угол шкафа и закрываюсь свисающим сверху маминым пальто.

Я слышу, как отец снимает ботинки и идет в ванную мыть руки. Он всегда первым делом моет руки, а потом заглядывает в мою комнату, чтобы убедиться, что меня там точно нет. Меня нет. И он идет на кухню греметь кастрюлями и сковородками.

Пока отец ест, мамино пальто гладит меня по голове рукавом и шепчет, что все будет хорошо.

«Должна же быть в мире еще хотя бы одна девочка, которая сейчас так же, как и я, сидит в шкафу», — думаю я, глядя в темноту. Темнота едва заметно шевелится в ответ.

— Привет, — еле слышно говорю я девочке, сидящей напротив меня, — что ты здесь делаешь? Вообще-то это мой шкаф.

— То же самое, что и ты, — прячусь, — с вызовом отвечает она.

Девочка поправляет складки своего пышного синего платья и смотрит на меня исподлобья большими зелеными глазами.

— От кого ты прячешься? — спрашиваю я.

— Мы с Канцлером играем в прятки. Вот от него. Но он ужасно боится темноты, так что не будет здесь искать.

Девочка хихикает.

— М-м, понятно, — говорю я, — а кто такой Канцлер?

— Тот, кто обо мне заботится, — важно отвечает девочка, — а еще он помогает мне управлять Королевством. Так получилось, что я совсем одна и больше помогать мне некому, а Королевство большое, сама понимаешь.

Я не совсем понимаю. Девочка прищуривается и смотрит на меня очень внимательно — мне становится стыдно за колготки с дыркой на пальце и растянутую футболку.

— А ты что здесь сидишь? Ты сказала, это твой шкаф, но это не так. Он находится в моем Королевстве, а значит, он мой!

— Говори, пожалуйста, тише, — прошу я.

Я слышу, что отец уже закончил с едой и скидывает грязную посуду в раковину. Мне нужно быть осторожной: тот, от кого я прячусь, темноты не боится.

Тяжелые шлепающие шаги (отец всегда ходит дома босиком) снова направляются в ванную. Шлёп-шлёп. Неожиданно они замирают на пороге моей комнаты. Шлёп-шлёп. Отец останавливается прямо у шкафа.

Я смотрю на девочку и прикладываю палец к губам.

За фанеркой шумное дыхание — я знаю, что он принюхивается, он чувствует мой страх. «Что ему здесь нужно, в этом шкафу нет его вещей, неужели он знает, что я здесь?» Я с надеждой поднимаю глаза на девочку, но ее больше нет.

Я одна, и от отца меня отделяет только тонкая дверца. Мне кажется, он слышит, как громко стучит мое сердце. Я приказываю сердцу замолчать и прижимаюсь к маминому пальто. «Мамочка, вернись, пожалуйста, скорее», — шепчу я про себя. Но я знаю, мамочка не вернется. Придется выкручиваться самой. Я должна что-то сделать, чтобы он не нашел меня, даже если эта дверь откроется. «Если эта девочка откуда-то пришла, значит, и я могу куда-то уйти», — размышляю я.

Зажмуриваюсь так, что глазам становится больно, вжимаюсь в стену и на всякий случай повторяю заклинание, которое должно сделать меня невесомой и невидимой: «Я пушинка — легче пуха, я пушинка — легче пуха».

Стена шкафа за спиной становится мягкой, и я проваливаюсь в ворох пальто, шуб и платьев, которые заботливо принимают меня в свои объятия.

Откуда-то издалека я слышу звуки открывающейся входной двери — это мама пришла домой чуть раньше. Заклинание сработало, отец не нашел меня.

Пока они с матерью о чем-то пререкаются на пороге, я тихонько выбираюсь из своего

убежища. Обычно мне удается сделать это до прихода мамы, но сегодня все пошло наперекосяк.

Отец уходит, а мама, проходя мимо моей комнаты, удивленно смотрит на меня:

— Отец сказал, тебя дома нет. А ты здесь. Как так вышло?

— Я сидела в шкафу, — смущенно отвечаю я.

— Зачем ты сидела в шкафу?

Мама хмурится, а мне почему-то становится стыдно.

— Не знаю, мне там нравится, — невпопад отвечаю я.

— И что же ты там делала, позволь узнать, столько времени?

Голос мамы становится веселей.

— Взяла с собой фонарик и читала книгу. Я люблю там читать.

Мама недоверчиво и как будто осуждающе смотрит на меня.

— Тебе нужно больше гулять и завести друзей, — выносит она свой вердикт и уходит на кухню.

* * *

Теперь я сижу в шкафу не только во время великаньих обедов. Я надеюсь встретить девочку, имени которой не знаю, но она больше не приходит. Интересно, нашел ли ее Канцлер, победил ли он свой страх темноты, или девочка сжалась

над ним и сама пришла к нему, и что вообще происходит в ее Королевстве? А самое главное — где это Королевство и как мне попасть туда?

После моего первого бесконечно долгого сентября в школе Валентина Леонидовна объявляет, что у нас в классе новенькая. Она проболела почти весь месяц, так что теперь ей придется многое наверстывать, и зовут ее Лера.

Новенькая протискивается в приоткрытую классную дверь, и я понимаю: это ты. На тебе нет пышного синего платья, вместо него застиранная белая блузка, клетчатая школьная юбка, такая же, как у всех девочек в классе, колготки гармошкой на коленках и стоптанные ботинки. Твои каштановые кудри заплетены в неряшливую косичку, и твой портфель не несет никакой Канцлер.

Девочки в классе неодобрительно разглядывают тебя. Ты смотришь на всех так, как будто вообще не понимаешь, как тебя занесло в эти безрадостные края. Твои глаза большие и зеленые. Это ты — девочка из шкафа.

Интересно, вспомнишь ли ты меня?

Валентина Леонидовна отправляет тебя на первую парту в третьем ряду, и я радуюсь, что мне хорошо видно тебя со своей.

Весь этот день я наблюдаю за тобой — тебе явно нет дела до других, кажется, ты любишь рисовать и похожа на дикого зверька, который вдруг обнаружил себя запертым в клетке.

Учительница несколько раз делает тебе замечание за невнимательность. Я думаю, что ты достаточно странная, не знаю почему, но мне это нравится.

Если бы ты смотрела в этот момент на меня, то увидела бы девочку в неудобной школьной форме, с заплетенной вокруг головы косичкой и челкой, выстриженной явно неумелой рукой, похожую на дикого зверька, который вдруг обнаружил, что он больше не единственный зверь в клетке.

Звонок, мы спускаемся по школьной лестнице на первый этаж, чтобы разойтись по домам. Шумно, осеннее солнце вычерчивает в коридоре яркие квадраты.

— Привет, — говорю я, наступив в один из них, чтобы ты меня точно увидела. — Ты меня правда не помнишь?

Ты удивленно смотришь на меня:

— Нет, не помню.

Твой голос неожиданно резкий и какой-то не девчачий.

Мне кажется, ты хочешь, чтобы я от тебя отстала, чтобы побыстрее уйти из школы. Ты хмуро смотришь в окно, а не на меня.

Я уже почти смиряюсь с поражением, но тут мне в голову приходит маленькая хитрость. Девочку из шкафа никак не могут звать просто Лерой, это уж точно.

— Учительница сказала, что твое имя Лера, — начинаю я, — а как тебя зовут по-настоящему?

К моей радости, ты перестаешь хмуро пялиться в окно, поворачиваешься ко мне, смотришь оценивающе пару секунд и шепотом произносишь:

— Джеральдина.

Я торжествую: да, именно такое имя и должно быть у девочки из шкафа.

— А тебя как зовут? — спрашиваешь ты.

— Кимберли, — не задумываясь отвечаю я.

Ты улыбаешься так, будто это имя тебе знакомо, и я радуюсь, что мы все же смогли узнать друг друга.

По дороге из школы я рассказываю тебе, что наша первая встреча на самом деле не первая; про то, что на тебя наверняка наложили заклятие забывчивости; про Канцлера и Королевство, которое где-то совсем рядом.

— У нас есть целое королевство? — удивленно спрашиваешь ты. — И кто наложил на меня заклятие?

— Возможно, твой отец? — предполагаю самое очевидное я.

— Мой отец хороший, он бы не стал.

— Значит, твоя мать! — быстро нахожусь я.

Ты хмуришься:

— Очень может быть.

«Очень может быть», — повторяю я про себя. Никто из моих одноклассниц никогда бы так не сказал, но ты сказала именно так.

С того дня домой мы ходим вместе, ты живешь в пятом подъезде, а я в первом — в большом кирпичном замке на горе. Когда-то он весь принадлежал нам, но потом наши семьи рассорились и поделили замок на две части, а потом еще на три. Их они продали разным людям, так как в девяностые было мало денег и нужно было как-то зарабатывать. Видимо, денег совсем не было, раз третий подъезд достался людоедке, лепившей пирожки из детей и котят. Так, по крайней мере, говорили нам твой старший брат и его друзья. Каждый раз, увидев нас, они повторяли: «В третий пойдешь — к людоедке попадешь, в третий пойдешь — смерть свою найдешь». Умирать нам еще не хочется, поэтому мы на всякий случай обходим логово людоедки стороной.

Почему наши родители поссорились, мы не знали, но это было как-то связано с тем, что твоя мать верит в бога и ходит в церковь, а мой отец считает себя коммунистом и ходит на митинги к памятнику Ленина.

Церковь, которую выбрала твоя мама, почему-то находится не в церкви с крестом и куполами, а в обычной квартире. Отец говорит, что твоя мать сектантка. Твоя мать говорит, что мой отец сатана.

Нам с тобой нет дела ни до Иисуса, ни до Ленина, тем не менее родители считают, что мы

плохо влияем друг на друга, и стараются свести наши встречи к минимуму.

Я замечаю, как отец смотрит на меня, когда я возвращаюсь от тебя, и принюхивается. Его огромные ноздри раздуваются, и он будто чувствует запах веры в высшие силы, который я источаю.

— Опять была у этой сектантки? — строго спрашивает он.

— Да, — мямлю я. Врать бесполезно: когда он так спрашивает, то уже заранее знает ответ. Любая ложь только продлит эту пытку, а мне хочется покончить с ней побыстрее.

— Нечего тебе туда ходить, пусть она к нам приходит.

Эта фраза не та, с которой отец обычно начинает свой допрос с пристрастием, поэтому я радуюсь. Кажется, он не в настроении меня сегодня наказывать.

— А почему ты решила, что можешь послушаться отца? — неожиданно злобным шепотом добавляет он и подходит ко мне совсем близко.

Я быстро прокручиваю в голове все возможные причины, которые могли бы меня оправдать: ты подвернула ногу и я должна была тебе помочь, мы нашли котенка и понесли его к тебе, у тебя появилась новая интересная игра, мы должны были вместе делать домашнюю работу. Даже если я скажу правду, это не поможет, потому что отец уже начал свою игру. А играем мы всегда только по его правилам.

Впрочем, кое-что я могу. По крайней мере, попробовать стоит.

— А разве верить в бога — это плохо? — пытаюсь отвлечь его внимание я.

Отец прищуривается: если и есть в мире слово из трех букв, которое он не переносит, то это слово «бог».

— Бога нет, — отвечает отец, — а церковь, куда ходит мать твоей подруги, — американская секта. Хочешь узнать, зачем эта секта нужна? — Отец повышает голос почти до раската грома.

— Не знаю, —жимаю плечами я.

— Затем, чтобы запудрить мозги нашим детям, разрушить наши ценности и развалить Россию. А наше капиталистическое правительство им в этом помогает!

Отец переключил свой гнев на правительство — это хорошо.

— А какие у нас ценности? — помолчав, спрашиваю я, чтобы окончательно его запутать и отвлечь от тебя.

На этот вопрос отец почему-то не отвечает и идет смотреть «Новости» — разговаривать с ведущим из телевизора ему интереснее, чем со мной. Возможно, потому, что ведущий ничего ему не отвечает, а может, потому, что его ответы может слышать только отец.

Из этого разговора я усваиваю, что бога придумали американцы, чтобы развалить Россию, а также то, что у нас есть ценности, но вслух о них говорить нельзя.

В следующий раз, как и требовал отец, ты приходишь ко мне, но после встреч у меня ты возвращаешься домой, покрытая неприличным налетом коммунизма. Твоя мама начинает страшно чихать, так как на коммунизм у нее аллергия.

* * *

Все время, что мы проводим вместе, мы ищем в окружающем знаки нашего с тобой Королевства. Мы ищем их среди серых девятиэтажек, в прокуренных подъездах, в собачьих метках на снегу, в лесу, что в десяти минутах от дома, и в каждом шкафу, в который только можем залезть.

В том, что Королевство наше, нет ни малейшего сомнения: мы — королевы, по ошибке попавшие в другой мир и мечтающие вернуться. Лишившись обеих своих королев, Королевство закрыло все проходы между мирами, ведь без нас оно стало уязвимо. А мы не можем вернуться туда просто так, потому что на нас уже лежит печать этого, не лучшего из миров.

Но Королевство не забывает о нас и посылает знаки, которые можем расшифровывать только мы, и знаков этих предостаточно: облетевшие листья, на которых проступают черты древних лиц; гигантские следы птичьих лап на снегу; фонари, которые зажигаются прямо над нашими головами и ведут нас куда-то.

Королевство постепенно открывается нам, показывает, что может скрываться даже в самых обычных, неприметных вещах. Вот поэтому мы и знаем, что живем в замке, что деревья в лесу за домом — живые и что если захотим отправить письмо Канцлеру, то нужно написать его на листе, сложить корабликом и пустить в лесной ручей, а уж вода вынесет его куда надо.

Королевство разговаривает с нами, и хотя мы и понимаем его тайный язык, но помним, что так просто нам туда не вернуться, нас ждут «великие испытания».

Про великие испытания нам впервые рассказывает твоя мать. У нее тоже есть свое королевство — она называет его раем для праведных христиан. Вот только попасть туда можно лишь после смерти, прожив жизнь, полную тяжелых испытаний.

«Иисус страдал — и мы должны пострадать», «Без труда не выловишь и рыбку из пруда», «Хорошего понемножку» — любит повторять она, и я начинаю думать, что это какие-то заклинания.

— Мне кажется, твоя мама пытается нас околдовать, — шепчу я тебе на ухо, когда мы наконец остаемся одни. — Наверно, поэтому ты так мало помнишь про Королевство.

По лицу вижу, что эта идея тебе нравится, ты откладываешь тетрадку по математике и берешь меня за руку. Твоя рука очень теплая, и мне кажется, что если мы продолжим держаться за руки, то все обязательно будет хорошо.

— И что мне теперь делать? — спрашиваешь ты. — Я не знаю, как противостоять этим закланиям.

— А я, кажется, знаю. Нужно повторять то, что она говорит, наоборот.

— Наоборот?

— Ну да. Вот так: Иисус не страдал — и мы не должны, хорошего помножку, понимаешь?

— Вроде да. Но я же не смогу сказать это вслух, мама точно накажет меня за такое.

— А вслух и не надо, говори про себя.

Ты киваешь и спрашиваешь:

— А твой отец тоже колдует?

Я вспоминаю, как отец сидит перед телевизором и иногда вскрикивает: «Да что ты говоришь?!», «Пидорасы!», «Развалили страну!».

— Кажется, да, — отвечаю я, — но он как-то по-другому это делает.

Когда мы заканчиваем домашку по математике, твоя мать приносит красивую голубую Библию с картинками.

— Вот, посмотри, — говорит она. — Дома у тебя такой нет, но все мы дети Божии, даже...

Она замолкает, не договорив, будто пытается что-то во мне разглядеть, а я вспоминаю, кого она записала мне в отцы.

— Покажи подруге свои любимые главы, — наставляет тебя мать.

Как только она уходит, ты открываешь Библию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru